

References

1. Danilevskij, R. Ju. (1999). *Pushkin i Gete: Sravnitel'noe issledovanie. [Pushkin and Goethe: A Comparative Study]*. St. Petersburg : Science. (In Russ).
2. Durylin, S. N. (1932). Russkie pisateli u Gete v Vejmare. *Literaturnoe nasledstvo. [Russian writers at Goethe's in Weimar. Literary legacy]*. Vol. 4–6. Gete. – Moscow : Journal and newspaper association, 81–504. (In Russ).
3. Zhirmunskij, V. M. (1937). Gete v russoj literature. [Goethe in Russian literature]. Leningrad : Goslitzdat. (In Russ).
4. Rozov, V. A. (1908). *Pushkin i Gete. [Pushkin and Goethe]*. Kiev : Printing house Imp. univ. St. Vladimir. (In Russ).
5. Sipovskij, V. V. (1906). *Istorija literatury kak nauka. [Literary history as a science]*. St. Petersburg , Moscow : Publishing house of T-va M.O. Wolf. (In Russ).
6. Turaev, S. V. (1989). *Gete i formirovanie koncepcii mirovoj literatury. [Goethe and the formation of the concept of world literature]*. Moscow : Science. (In Russ).
7. Chukovskij, K. I. (2012). *Sobranie sochinenij : v 15 t. T. 3. Vysokoe iskusstvo; Iz anglo-amerikanskih tetradej. [Collected works: In 15 volumes. Vol. 3. High art; From the Anglo-American notebooks]*. Moscow : TERRA–Book Club. (In Russ).
8. Chukovskij, K. I. (2012). *Sobranie sochinenij : v 15 t. T. 4. Zhivoj kak zhizn': O russkom jazyke; O Chehove; Il'ja Repin; Prilozhenie. [Collected works: In 15 volumes. Vol. 4. Alive as life: On the Russian language; About Chekhov; Ilya Repin; application]*. Moscow : TERRA–Book Club. (In Russ).
9. Chukovskij, K. I. (2012). *Sobranie sochinenij : v 15 t. T. 5: Sovremenniki; Prilozhenie. [Collected works: In 15 volumes. Vol. 5: Contemporaries; application]*. Moscow : TERRA–Book Club. (In Russ).
10. Chukovskij, K. I. (2012). *Sobranie sochinenij : v 15 t. T. 6. Literaturnaja kritika (1901–1907): Ot Chehova do nashih dnei; Leonid Andreev bol'shoj i malen'kij; Nesobrannye stat'i (1901–1907). [Collected works: In 15 volumes. V. 6. Literary criticism (1901–1907): From Chekhov to the present day; Leonid Andreev is big and small; Uncollected articles (1901–1907)]*. Moscow : TERRA–Book Club. (In Russ).
11. Chukovskij, K. I. (2013). *Sobranie sochinenij : v 15 t. T. 7: Literaturnaja kritika. 1908–1915. [Collected works: In 15 volumes. Vol. 7: Literary criticism. 1908–1915]*. Moscow : TERRA–Book Club. (In Russ).
12. Chukovskij, K. I. (2012). *Sobranie sochinenij : v 15 t. T. 9. Ljudi i knigi. [Collected works: In 15 volumes. Vol. 9. People and books]*. Moscow : TERRA–Book Club. (In Russ).
13. Chukovskij, K. I. (2013). *Sobranie sochinenij : v 15 t. T. 11: Dnevnik 1901–1921. [Collected works: In 15 volumes. Vol. 11: Diary 1901–1921]*. Moscow : TERRA–Book Club. (In Russ).
14. Chukovskij, K. I. (2013). *Sobranie sochinenij : v 15 t. – T. 12: Dnevnik (1922–1935). [Collected works: In 15 volumes. Vol. 12: Diary 1922–1935]*. Moscow : TERRA–Book Club. (In Russ).
15. Chukovskij, K. I. (2013). *Sobranie sochinenij : v 15 t. T. 13: Dnevnik (1936–1969). [Collected works: In 15 volumes. Vol. 13: Diary 1936–1969]*. Moscow : TERRA–Book Club. (In Russ).
16. Chukovskij, K. I. (2013). *Sobranie sochinenij : v 15 t. T. 14. Pis'ma (1903–1925). [Collected works: In 15 volumes. V. 14. Letters (1903–1925)]*. Moscow : TERRA–Book Club. (In Russ).
17. Chukovskij, K. I. (2013). *Sobranie sochinenij : v 15 t. T. 15. Pis'ma (1926–1969). [Collected works: In 15 volumes. Vol. 15. Letters (1926–1969)]*. Moscow : TERRA–Book Club. (In Russ).

УДК 821.161.1'37

МАРИНА ЦВЕТАЕВА: СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПОЭТА

Е. Ю. Муратова

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания
Витебского государственного университета имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: muratova@tut.by

В данной статье осуществляется попытка понять, как формировалась личность Марины Цветаевой, что повлияло на всю сложность, глубину и противоречивость ее натуры. Дается краткий анализ взаимоотношений в семье, доказывается, что мир древнегреческих мифов и легенд, римских богов, книг, скульптур и картин был естественной повседневной средой жизни семьи М. Цветаевой и ее окружения и, безусловно, повлиял на ее мировоззрение. Во всем – в понимании совести, честности, искренности, долга – у М. Цветаевой была своя «самость», которая выражалась в ее отношении к жизни, религии, искусству. В статье исследуется, как, какими путями формировалась эта «самость» и что она собой представляет. Сложный, глубокий, амбивалентный мир М. Цветаевой во многом определялся ее детством и юностью, складывался из прочитанных книг, из увиденных стран, из родительского примера трудолюбия, честности, их духовных ценностей. Ее мировоззрение, выраженное в стихах, эссе, письмах, «вызревало» на основе древнегреческой, римской, европейской, русской культуры.

Ключевые слова: поэт, поэзия, творчество, религия, искусство.

MARINA TSVETAEVA: FORMATION OF THE PERSONALITY OF A POET

E. Yu. Muratova

professor, doctor of philological sciences, Professor of the Department of General and Russian Linguistics,
Vitebsk State University named after P. M. Masherova,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: muratova@tut.by

In this article, an attempt is made to understand how the personality of Marina Tsvetaeva was formed, which influenced the complexity, depth and contradictory nature of her nature. A brief analysis of family relationships is given, it is proved that the world of ancient Greek myths and legends, Roman gods, sculptures and paintings was a natural daily environment for the

family of M. Tsvetaeva and her entourage and, of course, influenced her worldview. In everything - in the understanding of conscience, honesty, sincerity, duty - M. Tsvetaeva had her own "self", which was expressed in her attitude to life, religion, art. The article examines how, in what ways this "self" was formed and what it is. The complex, deep, ambivalent world of M. Tsvetaeva was largely determined by her childhood and youth, it was formed from the books she read, from the countries she saw, from the parental example of hard work, honesty, and their spiritual values. Her worldview, expressed in poetry, essays, letters, "matured" on the basis of ancient Greek, Roman, European, Russian culture.

Key words: poet, poetry, creativity, religion, art.

Введение. «Все мы родом из детства» – гениально просто сказал Антуан де Сент-Экзюпери в своем «Маленьком принце». Семья, близкое окружение, социальная среда, в которой растет человек, в значительной степени определяют его будущую жизнь, его духовные ценности и приоритеты. В отношении Марины Цветаевой думается, что сама природа ее характера, ее независимость и неистовство во всем: в жизни, творчестве, отношениях, ее страстность, ее непреклонность и резкость – это «сплав» природы, характера, семьи и времени.

Цель и задачи. Как утверждают психологи, человеческой природе в целом характерна амбивалентность. Карл Юнг считал, что каждый творчески одаренный человек – это некоторая двойственность или синтез парадоксальных свойств. Целью данной статьи является попытка понять, как формировалась личность Марины Цветаевой, что повлияло на всю сложность, глубину и противоречивость ее натуры, где истоки неутолимости желаний, тяги к неразрешимости, соединения земного с божественным, античного понимания безупречности естества и т. д.

О Марине Цветаевой написаны десятки книг и диссертаций, ей посвящено множество стихов и картин, но мощность и талант ее натуры позволяют исследователям находить (или по-своему увидеть) в жизни и творчестве М. Цветаевой какие-то новые черты.

Методы и материал исследования. В статье использованы общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации. Методологическое значение также имеет «композиция научного задания» (термин М. Бахтина), необходимая для объединения рассматриваемых поэтических текстов единой интерпретационной основой.

Материалом исследования послужили поэтические и прозаические произведения Марины Цветаевой.

Результаты и их обсуждение. Семья Марины Цветаевой была, с одной стороны, по-своему уникальной, а с другой – тем поколением, которое впоследствии она называла «поколением с сиренью и с Пасхой в Кремле».

Отец М. Цветаевой, Иван Владимирович, был сыном бедного сельского священника из Владимирской губернии, он, собираясь тоже стать священником, учился в духовном училище, а затем в семинарии, но еще в юности страстно увлекся историей искусства. И эта страсть определила всю его жизнь. Иван Владимирович Цветаев стал профессором Московского университета и основателем Музея изобразительных искусств (впоследствии – Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина), который стал делом всей его жизни. Музей задумывался как Музей слепков работ лучших мастеров Европы для нужд студентов, не имевших средств ездить за границу изучать в подлинниках древнюю скульптуру и архитектуру. И. А. Антонова, директор Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, так пишет об этом: «История создания И. В. Цветаевым Музея изящных искусств беспримерна в истории европейского музейного дела. Он в буквальном смысле слова начал на пустом месте. Не было ни земли, ни коллекций, ни денег. Но была ясно осознанная необходимость «внесения чистых образов и идей в среду современного и грядущего юношества» и готовность посвятить себя целиком этой цели...» [1, с. 5].

И. В. Цветаев был женат, у него было двое детей, но его любимая жена, красивая, веселая, одаренная Варвара Иловайская умерла. И. В. Цветаев остался вдовцом с двумя детьми.

Мать Марины Цветаевой (вторая жена И. В. Цветаева) – Мария Александровна Мейн, родом из богатой дворянской семьи, была необыкновенной женщиной. Она была прекрасно образована: свободно владела четырьмя европейскими языками, блестяще знала историю и литературу, сама писала стихи, была профессиональной пианисткой, но на сцене по многим причинам выступать не могла. Мария Александровна – это глубокий и странный космос со своей несбывшейся единственной любовью, не состоявшейся любимой профессией, со своими мечтами и одиночеством. Она вышла замуж за И. В. Цветаева, отца двоих детей, который был старше ее на 22 года, это решение тоже было из ее внутренних убеждений о долге, совести, семье. Как позже вспоминала Марина Цветаева: «Мать залила нас всей горечью своего несбывшегося призвания, своей несбывшейся жизни, музыкой залила нас, как кровью, кровью второго рождения». И дочек Марину и Асю Мария Александровна воспитывала в духе своих нравственных высот. В своем эссе «Мать и музыка» М. Цветаева так вспоминала свое детство: «О, как мать торопилась, с нотами, с буквами, с «Ундинами», с «Джэн Эйрами», с «Антонями Горемыками», с презрением к физической боли, со Св. Еленой, с одним против всех, с одним – без всех, точно знала, что не успеет... Мать поила нас из вскрытой жилы Лирики...» [7, с. 13–14]. Марина Цветаева сама впоследствии утверждала: «После такой матери мне оставалось только одно: стать поэтом» [7, с. 13–14].

Мир древнегреческих мифов и легенд, римских богов, книг, скульптур и картин был естественной повседневной средой жизни семьи М. Цветаевой и ее окружения и, безусловно, повлиял на ее мировоззрение. «Дом профессора Цветаева был пронизан духом Эллады и великого Рима. Геракл и Ахилл, Ариадна и Дионис, Эвридика и Орфей, Венера и Психея – это были не просто имена, они воспринимались Цветаевой как реальные люди, ожившие сначала в сознании юной девушки, а затем в зрелом творчестве поэта...» [5, с. 8–9]. Впоследствии М. Цветаева очень много теплых и страстных слов написала об этом поколении ее родителей. Например, отрывок из стихотворения «Поколенью с сиренью», написанного в 1935 году: *«Поколенья, где краше / Был – кто жарче страдал! / Поколенья! Я – ваша! / Продолжение зеркал. / Ваша – сутью и статью, / И почтением к уму, / И презрением к платью / Плоти – временному! / Вы – ребенку, поэтом / Обреченному быть, / Кроме звонкой монеты / Всѣ – внушившие – чтить: / Кроме бога Ваала! / Всех богов – всех времен – и племен... / Поколенью – с провалом – / Мой бессмертный поклон! / Вам, в одном небывалом / Умудрившимся – быть, / Вам, среди шумного бала / Так умевшим – любить! / До последнего часа / Обращенным к звезде – / Уходящая раса, / Спасибо тебе!».*

И цветаевские духовные высоты, от которых, как писала ее дочь, у обычных людей делалась горная болезнь, – оттуда, из детства, из прочитанных книг, из увиденных стран, из родительского примера трудолюбия, честности, сострадания к слабым. Оттуда – почтение к уму, презрение ко всему преходящему и ненужному, свобода личности, умение мечтать – быть в небывалом, всегда обращенность к высотам духа. Ариадна Эфрон утверждала, что талант трудоспособности и внутренней организованности был у матери равен поэтическому дару.

Но объяснить талант только средой, воспитанием, образованием невозможно. Талант – великая тайна природы, тайна каких-то высших сил, нам неизвестных, но дающих человечеству что-то сверхчеловеческое. Гениальных людей в истории человечества было мало, но они были: Будда, Христос, Микеланджело, Шекспир, Моцарт, Пушкин, Достоевский...

Конечно, каждый человек – неповторимая планета, «и нет планет, похожих на нее». Но, как писал К. Юнг, «...творец в высочайшей степени объективен, существенен, сверхличен... ибо в своем качестве художника он есть свой труд, а не человек... В качестве индивида он может иметь прихоти, желания, личные цели, но в качестве художника он есть в высшем смысле этого слова “Человек”, коллективный человек, носитель и ваятель бессознательно действующей души человечества» [6, с. 116–117].

Во всем – в понимании совести, честности, искренности, долга – у М. Цветаевой была своя «самость», которая выражалась в ее отношении к жизни, религии, искусству. Как, какими путями формировалась эта «самость» и что она собой представляет?

Уже в одном из ранних стихотворений, написанном в 1909 году, – «Молитва», юная Марина Цветаева задает «планку», а точнее, абсолютную «безпланковость» своей жизни: *«Я жажду сразу – всех дорог! / Всего хочу: с душой цыгана / Идти под песни на разбой, / За всех страдать под звук органа / и амазонкой мчаться в бой; / Гадать по звездам в черной башне, / Вести детей вперед, сквозь тень... / Чтоб был легендой – день вчерашний, / Чтоб был безумьем – каждый день!».*

Она так и жила, так писала, так любила, так прощала или резко не прощала и не принимала. «Основная тема всей ее жизни и творчества – это противопоставление мира быта – и бытия, души – и не-души, «скучных песен земли» – и «звуков небес». Миру жующих, где правят «глотатели пустот», где «вдохновение хранят как в термосе», она всю жизнь противопоставляла мир своих высот: «Вы – с отрывками, я – с книжками» [2, с. 7].

Ее семья была традиционной православной семьей. С радостью ждали Новый год и Рождество, украшали елку, дарили подарки, на Пасху пекли куличи и красили яйца, ходили в церковь, как вся православная дореволюционная Россия. И эти религиозные традиции активно проявляются в творчестве М. Цветаевой: *«Звон колокольный и яйца на блюде / Радостью душу согрели. / Что лучезарней, скажите мне, люди, / Пасхи в апреле?»;* *«Над синевую подмосковных роц / Накрапывает колокольный дождь»;* *«В день Благовещенья / Улыбаюсь до вечера, / Распростившись с гостями пернатými. / – Ничего для себя не надо мне / В Благовещенье, праздник мой!»;* *«Облака – вокруг, / Купола – вокруг, / Надо всей Москвой / Сколько хватит рук!»;* *«Семь холмов – как семь колоколов! / На семи колоколах – колокольни. / Всех счетом – сорок сороков. / Колокольное семихолмие!»;* *«Над городом, отвергнутым Петром, / Перекатился колокольный гром. / ...Царю Петру и вам, о царь, хвала! / Но выше вас, цари, колокола. / Пока они гремят из синевы – / Неоспоримо первенство Москвы».*

И какой нежностью к Иисусу Христу пронизано стихотворение совсем юной М. Цветаевой «Как мы читали "Lichtenstein"»: *«Словно песня – милый голос мамы, / Волшебство творят ее уста. / Ввысь уходит ели, стройно-прямые, / Там, на солнце, нежен лик Христа...».*

Как девочка, выросшая в православной стране, в православной семье, она хорошо знала Библию, поэтому в ее стихах достаточно много имен из Ветхого и Нового заветов: Агарь, Измаил, Моисей, Лот, Каин, Давид, Мария, Магдалина, Марфа, Фома, Иуда, Самуил и др.

В упомянутом уже стихотворении «Молитва» в первой строке *Христос и Бог! Я жажду чуда...* почти каждое слово перекликается с Псалтырью [3]: *«Жаждет душа моя к Богу крепкому»* (Пс. 41, 3), *«Тебя жаждет душа моя»* (Пс. 62, 2), *«Ты – Бог, творящий чудеса»* (Пс. 76, 15), *«Вспоминайте чудеса его»* (Пс. 104, 5). А в стихотворении «Канун Благовещенья» М. Цветаева включила часть канонического акафиста Богородице: *«– Благословен плод чрева / Твоего, Дева / Милая!».*

В своем эссе «История одного посвящения» она писала о таких своих стихах: «*Поверх голов – к Богу! По крайней мере – к ангелам... Так: все мои стихи – к Богу если не обращены, то: возвращены.* Или: *«И будем мы судимы – знай – / Одною мерою. / И будет нам обоим – Рай, / В который – верую».*

А с другой стороны, в произведениях М. Цветаевой четко проявляется какое-то языческое восхваление пагубных страстей, грехов, вседозволенности, при этом может упоминаться Бог, который видит и судит, но героини и герои М. Цветаевой ради вольной жизни готовы принять его кару. Во многих стихах она показывает очень противоречивые религиозные образы ада, рая, ангелов. В этом модусе невозможно не упомянуть поэму М. Цветаевой «Молодец», посвященную теме оборотничества и содержащую более 10 эпизодов первобытного хаоса страстей.

Приведем некоторые примеры: «*Заповедей не блюла, не ходила к причастью. / Видно, пока надо мной не пропоют литию, – / Буду грешить – как грешу – как грешила: со страстью! / Господом данными мне чувствами – всеми пятью!»*; «*Ах, далеко до неба! / Губы – близки во мгле... / Бог, не суди! – Ты не был / Женщиной на земле!»*; «*Други! – Сообщники! – Вы, чьи научения – жгучи! / – Вы, сопреступники! – Вы, нежные учителя! / Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, – / Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!»*; «*Гей, пострелыниш! / Плеть моя хлестка / Вся некрещеность! / На перекресток!»*.

В последнем примере окказионализм *некрещеность* создан М. Цветаевой от просторечного *нехристь*, так на Руси называли бессовестного или жестокого человека; не христианина либо человека, не верующего в Бога. По сути, это призыв к язычеству и асоциальности: героиня призывает всех отступников-преступников на место сбора нечистой силы – на перекресток (который в народной традиции считался местом сбора именно нечистой силы).

«Действительно, в личности Цветаевой парадоксальным образом сливаются безудержная стихийность – и суровый нравственно-этический закон, «свет совести»; отрицание существования для поэта единого христианского Бога – и интуитивное ощущение высшей справедливости, Божьего замысла, воплотить который и есть задача поэта; идея отречения от всего земного во имя дионисийской радости растворения в стихии – и умение сдерживать себя в пользу ближнего. При всех этих противоречиях представляется очевидной генетическая, глубинная связь М. Цветаевой с христианской культурой и православным мировидением» [3, с. 373].

Подобные ее произведения вызвали и вызывают споры о «моральном облике» самой Марины Цветаевой, которая всегда утверждала, что искусству, как природе, не может быть присуща святость или греховность, нравственность или безнравственность: «...художественный закон нравственному прямо-обратен... Единственный способ искусству быть заведомо-хорошим – не быть» [7, с. 31].

В своем эссе «Искусства при свете совести» Марина Цветаева пытается определить, что же такое искусство, талант творца, где его истоки: «Искусство – искус... Состояние творчества есть состояние наваждения... Демон (стихия) жертве платит. Ты мне – кровь, жизнь, совесть, честь, я тебе – такое сознание силы..., такую власть над всеми..., такую в моих тисках – свободу, что всякая иная сила будет тебе смешна, всякая иная власть – мала, всякая иная свобода – тесна... В человека вселился демон. Судить демона (стихию)? Судить огонь, который сжигает дом?» [7, с. 490].

Хотя М. Цветаева не связывала себя ни с каким литературным направлением, такие рассуждения о сущности искусства явно восходят к философской концепции романтизма XIX века. М. Цветаева прекрасно знала и любила европейскую литературу. Как утверждал ее любимый Гельдерлин, Бог – это высший разум, и в Природе, и в Божественном, и в Я – тождественный дух. А другой немецкий романтик Новалис доказывал, что у самой Природы есть творческий инстинкт, поэтому природа и искусство неразделимы; сама природа творит через художника, поэзия улавливает абсолютное.

Выводы. Личность любого человека невозможно разложить на составляющие, как в математике, но выделить ее основные черты, увидеть некоторые первопричины формирования личности, думается, возможно. Сложный, глубокий, амбивалентный мир М. Цветаевой во многом определялся ее детством и юностью, складывался из прочитанных книг, из увиденных стран, из родительского примера трудолюбия, честности, их духовных ценностей. Ее мировоззрение, выраженное в стихах, эссе, письмах, «вызревало» на основе древнегреческой, римской, европейской, русской культуры. И сам характер М. Цветаевой, независимый, часто неожиданный и противоречивый, с ее взглядами «один против всех», «с одним – без всех», «побежден – значит прав» и под., «выковывал» поэтическую личность Марины Цветаевой. Все остальное – великая тайна любого таланта.

Список использованных источников

1. Каган, Ю. М. И. В. Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность / Ю. М. Каган. – М. : Наука, 1987. – 192 с.
2. Муратова, Е. Ю. Лингвопоэтика Марины Цветаевой: монография / Е. Ю. Муратова. – Витебск : Изд-во ВГУ, 2005. – 96 с.
3. Новый завет и Псалтирь. – Российское Библийское Общество, 1998.
4. Павловская, Г. Ч. Пасхальный архетип в мироощущении М. Цветаевой (Подступы к теме) / Г. Ч. Павловская // Лики Марины Цветаевой: сб. докладов. XIII междунауч.-тематич. конф., 9–12 октября 2005 г., Дом-музей Марины Цветаевой. – М., 2006. – С. 373–379.
5. Саакянц, Анна. Марина Цветаева: жизнь и творчество / Анна Саакянц. – М. : Эллис Лак, 1997. – 816 с.

6. Юнг, Карл. Психология и поэтическое творчество / Карл Юнг // Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М. : Политиздат, 1991. – С. 116–118.
7. Цветаева, М. Собрание сочинений: в 7 т. / М. Цветаева. – М. : ТЕРРА ; «Книжная лавка – РТР», 1997. – Т. 5. Кн. 1: Автобиографическая проза; Статьи; Эссе. – 336 с.
8. Цветаева, М. Собрание сочинений: в 7 т. / М. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1994–1995. – Т. 7.

References

1. Kagan, J.U.M. (1987). I. V. Tsvetaev. Shizn'. Deyatel'nost'. Lichnost' – M. : Nauka, 1987. –192 s. (In Russ).
2. Muratova, Ye. Yu. (2005) Lingvopoetika Mariny Tsvetayevoy. Monografiya. Vitebsk : Izd-vo VGU, 96 s. (In Russ).
3. Novyi zavet i Psaltyr' (1998). Rossiyskoye Bibleyskoye Obtshestvo (In Russ).
4. Pavlovskaya, G. CH. (2006). Pashal'nyi archetip v mirooschuschenii M. Tsvetayevoi (podetupy k teme). Liki Mariny Tsvetayevoi. 13 Mezhd. nauchno-tematicheskaya konferentsiya. Moskow : Dom-muzei M. Tsvetayevoi. (In Russ).
5. Saakyants, A. (1997). Marina Tsvetayeva: zhizn' i tvorchestvo. Moskow : Ellis Lak. (In Russ).
6. Yung Karl. (1991). Psihologiya i poeticheskoye tvorchestvo. Samosoznaniye yevropeiskoi kul'tury XX veka: mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremennom obschestve. Moskow : Politizdat. (In Russ).
7. Tsvetayeva, M. (1997). Sobraniye sochinenii : v 7 t. T 5. Kn. 1: Avtobiograficheskaya proza; Stat'i; Esse. Moskow : TERRA; «Knizhnaya lavka – RTR».
8. Tsvetayeva, M. (1994–1995). Sobraniye sochinenii : v 7 t. Moskow : Ellis Lak. (In Russ).

УДК 821.161.3.09

ЛЁС ПАЭТЭСЫ Ў СВЯТЛЕ МЕМУАРНА-ЭПІСТАЛЯРНАЙ ФАКТАЛОГІІ (НА АСНОВЕ МАТЭРЫЯЛАЎ ЗБОРУ ТВОРАЎ ЯЎГЕНІ ЯНІШЧЫЦ)

Т. С. Нухдзіна

дацэнт, кандыдат філалагічных навук,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь

В статье осмыслен опыт экспериментального издания, в котором представлено самое полное собрание произведений Евгении Янищцыц в сочетании с наиболее интересными характеристиками конкретного художественного явления исследователями. Общая картина дополняется научными комментариями и мемуарно-эпистолярной фактологией, что позволяет глубоко проникать в сущность художественного мышления и трагического бытия духовно богатой творческой личности.

Ключевые слова: талант, творческая личность, судьба, концепция издания, фактологический контекст.

THE FATE OF THE POET IN THE LIGHT OF MEMOIR-EPISTOLAR FACTOLOGY (ON THE BASIS OF MATERIALS OF THE COLLECTION OF WORKS OF YAUGENIA YANISHCHYTS)

T. S. Nuzhdzina

candidate of philological sciences,
Mozyr, Republic of Belarus

The article comprehends the experience of the experimental publication, which presents the most complete collection of works by Yevgenia Yanishchits in combination with the most interesting characteristics of a particular artistic phenomenon by researchers. The general picture is complemented by scientific commentary and memoir-epistolary factology, which allows one to penetrate deeply into the essence of artistic thinking and the tragic life of a spiritually rich creative personality.

Key words: talent, creative personality, fate, publication concept, factual context.

Уводзіны. На адной з кніжных паліц маёй бібліятэкі капітальна ўгрунтаваліся тры тамы Збору твораў Яўгеніі Янішчыц. Змястоўныя, густоўна аформленыя. Але, здаецца, ім крыху сумнавата ў чаканні 4-га, апошняга. Выданне ўнікальнае, эксперыментальнае. Пачнем з назвы. Тут няма традыцыйнага паняцця “збор твораў”. Афіцыйная назва – “Яўгенія Янішчыц: творы, жыццяпіс, каментарыі”. Ёсць і свае даты нараджэння – 2016, 2017, 2019.

Самой назвай абазначаны тры накірункі, у рэчышчы якіх ажыццяўляецца праект выдання. **Мэта артыкула** – паказаць, што для складальнікаў выдання важна было не проста сабраць, сістэматызаваць выкладзі творчую спадчыну пісьменніцы, зрабіць грунтоўны навуковы каментарый, але і сфарміраваць у чытача ўяўленне пра Яўгенію Янішчыц як чалавека а як творцу. Кожны з тамоў і знешнім выглядам, і ўнутраным напаўненнем істотна адрозніваецца ад традыцыйных выданняў збору твораў. Назіраецца спалучэнне метадык укладання збору твораў і энцыклапедычных даведнікаў-персаналій.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Укладальнікі выдання – двое філолагаў-энтузіястаў. Гэта Святлана Уладзіміраўна Калядка, кандыдат філалагічных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела тэорыі і гісторыі літаратуры Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, і Тамара Пятроўна Аўсяннікава – педагог, паэт, публіцыст,